

Особенности имперской политики аккультурации мусульман второй половины XIX – начале XX веков на примере Оренбургской епархии

В статье анализируются основные направления политики аккультурации мусульманского населения Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков, раскрываются особенности ее проведения на территории Оренбургской епархии (Оренбургская губерния), определяется роль Русской Православной Церкви в процессе введения неправославных народов в российскую культуру, делается вывод о том, что наиболее продуктивным способом аккультурации становятся учебные заведения, создаваемые как силами епархии, так и губернскими структурами.

Ключевые слова: аккультурация, Российская империя, Русская Православная Церковь, Оренбургская епархия, миссионерство, мусульмане, «инородцы», иноверческие школы.

В течение практически всей своей истории русское государство переживало процесс расширения и укрепления границ. Однако если в период Древнерусского государства и средневековой Руси речь шла в основном об объединении русских земель, на которых проживали различные племена, но одной славянской ветви, то в последующие века, особенно, начиная с XVI века, расширение территорий Московского государства происходило за счет присоединения соседних восточных и южных государств, которые населяли неславянские этносы, исповадовавшие ислам или родовые языческие культы. В состав Московского государства вошли территории Казанского ханства (1447–1552 гг.), Астраханского ханства (1460–1556 гг.), Сибирского ханства (конец XV в. – 1598 г.). Русское государство постепенно приобретало характер полиэтнического и поликонфессионального. На присоединенных территориях разворачивается процесс христианизации местных народов. Церковь подходила к вопросу крещения достаточно мягко, опираясь только на добровольное согласие мусульман, решивших принять христианство, так как на присоединенных территориях, особенно на территории бывшего Казанского ханства, достаточно часто вспыхивали восстания. Результатом миссионерской деятельности Русской Православной Церкви стало появление значительного числа татар, так называемых «новокрещенных», количество которых постоянно увеличивалось. Крещению народов Поволжья и их русификации способствовала деятельность сначала Комиссии новокрещенских дел (с 1731 г.), а затем – Новокрещенская контора (1740–1764 гг.), которая, выполняя функции христианской миссии для «инородческих» народов Поволжья чувашей, мордвы, черемис, татар и проч., способствовала зарождающемуся процессу аккультурации.

Во второй половине XVIII века этот процесс начинает приобретать характер целенаправленной государственной политики через юридическое закрепление полиэтнического и поликонфессионального пространства России. В 1741 г.

императрица Елизавета Петровна подписывает указ о признании существования в России буддизма. В 1773 г. после своего вояжа по Волге Екатерина II подписывает указ «О терпимости всех вероисповеданий и запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским правительствам», который расширяет, прежде всего, права мусульман. Этому способствует и создание собственной исламской конфессиональной организации в 1788 году учреждением Оренбургского Магометанского Духовного Собрания (ОМДС), которому должны были быть подчинены все мусульманские община России, кроме Крыма. Кандидатура председателя Собрания – муфтия – утверждалась Министерством внутренних дел и, по сути, была чиновничьей должностью, так был еще и положен годовой оклад – 1200 рублей в год. С созданием ОМДС российское государство начинает развивать новую религиозную политику по отношению к мусульманам: «Первым шагом, после учреждения муфтията стало создание собственной местной официальной структуры образования, которая постепенно под влиянием идеологии религиозного реформаторства, просвещения и модернизации общества вовлекает мусульман в политическую жизнь государства» [1, с. 35].

Однако окончательное превращение ислама в религию, которая стала занимать по численности своих последователей второе место после православия, состоялось только во второй половине XIX в. с присоединением к территории России таких регионов, как Степной край (казахско-тургайские степи), Туркменистан и Кавказ.

Усилились процессы политизации ислама, что, в свою очередь, утвердило имперские власти в мысли о создании гибкой модели управления национальными окраинами государства, с целью обеспечения его стабильности и территориальной целостности. Был учтен опыт выстраивания отношений с мусульманами прошлых лет, поэтому направлениями политики модернизации и аккультурации населения присоединенных регионов стали: лояльность к этническим элитам, сотрудничество с ними путем привлечения их в систему органов местного управления, сохранение бытовых, культурных и религиозных традиций, отрицание параллелей между национальными и социальными характеристиками представителей местных этносов, наделение автохтонных народов некоторыми правовыми преимуществами перед русскими переселенцами (например, в оформлении прав на земельные участки).

Все эти действия становятся основанием новой имперской политики по отношению к «иностранцам», в которых государство желало видеть своих преданных подданных. Основным механизмом осуществления этой политики становится аккультурация, которая позволяла контролировать экономические, политические, социальные, религиозные процессы окраинных регионов через включение мусульманского населения в русскую культуру и православие.

В то же время, следует учесть, что аккультурация не предполагает полное растворение нерусских народов в «инокультурной» для них среде, в частности – русско-православной. Она представляет собой «организуемое властью культурное влияние в рамках единого государственного организма, ставящее целью создать из новоприсоединенных народов лояльных имперских подданных без

утраты ими этнической и религиозной идентичности, с возможностью обратного влияния о стороны этих народов на культурный код империи» [3, с. 5].

Таким образом, аккультурацию следует рассматривать как механизм, который позволяет включить в пространство единого государства различные инокультурные сообщества, при сохранении внешней и внутренней целостности и стабильности империи-гиганта, которой и являлась Россия в рассматриваемый период. В то же время аккультурационные модели взаимодействия центра и окраин позволяли определить характер взаимовлияния как центра на окраины, так и регионов на политику центра, русской культуры на культуру «инородцев», православия на религию «иноверцев», так и формы влияния культуры нерусских народов и их вероисповедания на ментальность русских переселенцев. Процесс воздействия культур друг на друга носит с определенной долей вероятности характер взаимовлияния [4, с. 6].

Аккультурация способна раскрыть особенности взаимовлияния культур. Ее направления могут отличаться в зависимости от форм контактов, от условий проживания лиц с разной культурой на одной территории, от характера обмена идеями или даже предметами быта и проч. [5, Т.1, с. 65].

Итак, с присоединением к Оренбургской губернии в последней четверти XIX в. Уральской и Тургайской областей на ее территории увеличилось население мусульманского вероисповедания за счет казахов и киргизов, которое определенные исламские круги пытались интегрировать в общероссийское движение мусульман. В связи с этим перед Оренбургской епархией, которая выступала главным орудием аккультурации имперской власти в этом регионе, ставилась сложная задача противостояния укреплению мусульманских позиций в ментальности кочевников через проведение антиисламских действий.

Эта задача была возложена на Оренбургский епархиальный комитет Православного миссионерского общества, который был сформирован в 1875 году. Он представлял собой общественно-религиозную организацию, в состав которой мог вступить любой православный, как духовного звания, так и лицо светское, количество членов ограничено не было. Например, состав комитета в 1892 году включал в себя 160 человек, из которых – 30 человек светских, 160 духовных лиц, а в 1915 году насчитывалось уже 302 человека [2, с. 126].

Подобного рода структуры были созданы во многих епархиях страны, но Оренбургский комитет отличал от них тот факт, что при наличии в епархии старообрядцев, сектантов комитет сосредоточил свое внимание на организации противомусульманской миссии для утверждения в православной вере местных инородцев, поэтому основной территорией для миссионерства и были выбраны районы Уральской и Тургайской областей. В 1892–1893 годах для изучения особенностей работы миссионеров в условиях казахской степи, а также для определения степени необходимости и перспективности открытия миссии сюда был направлен Ф.Д.Соколов, священник Оренбургской епархии. Свои наблюдения он изложил в письменном отчете, который лег в основу отчета Оренбургского епархиального комитета в совет Православного миссионерского общества. Впоследствии иерей Федор Соколов опубликовал в Оренбургских Епархиальных ведомостях в 1894 году свои дневниковые записи, которые он вел во время поездки, в то время как на его официальный отчет после обсуждения на заседании Епархиального комитета был наложен гриф «секретно» [6].

Следует обратить внимание на то, что священник неоднократно констатирует факты активного влияния казахско-киргизского быта и религиозных исламских традиций на сознание и жизнь русских переселенцев, которые оседали в казахских и тургайских степях, тем самым подтверждая процессы культурной и религиозной аккультурации русского этноса со стороны казахского. Священник указывал на многочисленные факты браков между русскими православными женщинами и казахами-мусульманами. Хотя примеров перехода женщин в ислам он встретил не много, но они имели место быть. Дети, рожденные в таких браках, не знают не только православной веры, но и русского языка и совсем «окиргизиваются» [9].

Автор называет две основных причины культурной и религиозной аккультурации русских переселенцев: во-первых, причина экономическая, которая заключалась в том, что крестьяне-переселенцы или арендовали землю у местного населения или нанимались к казахам на работу, а те, пользуясь своим экономическим превосходством, запрещали переселенцам-батракам креститься, ставить иконы, смеялись над православными традициями. Во-вторых, – слабая организация приходской жизни и недостаточное количество священников в регионе, что осложнило впоследствии работу миссионеров, которые вынуждены были совмещать в своем лице и функции приходского священника и функции миссионера.

Нравственно-религиозное состояние русских переселенцев у епархиальных властей вызвало большой резонанс. Епархиальный миссионерский комитет подготовил прошение об открытии ряда миссионерских станов, уже в 1893 году эти прошения были удовлетворены и в казахских степях была создана Киргизская миссия (центр – г. Кустанай, руководители: с 1893 года – иерей Одигитриевский, с 1895 г. – иерей Ф. Соколов)

Проповедь христианства со стороны Церкви получила в 80-90-е годы XIX века выражение продуманной государственной политики, так как государство показало свою заинтересованность в укреплении православия на окраинах империи. Это означало серьезную поддержку государством деятельности Церкви по расширению миссионерской работы. Однако вмешательство государства повлекло за собой бюрократизацию миссионерства. Вводились ежегодные отчеты миссионеров и отчеты после каждой поездки, должностные инструкции для сотрудников миссии, епархиальные и всероссийские миссионерские съезды и прочее.

С помощью государства Киргизская миссия относительно успешно решала задачи по религиозно-культурной аккультурации. Новокрещенные казахи получали земельные наделы, начинали вести оседлый образ жизни, постепенно вовлекаясь в развитую культуру ведения обработки земли и растениеводства и выращивания зерновых, которую привнесли с собой на эти земли русские крестьяне-переселенцы.

При поддержке губернских властей Миссия субсидировала строительство для казахов, принявших православие, дома, покупку продуктов питания, сельскохозяйственных орудий.

В своих отчетах Киргизская миссия указывала на все эти мероприятия и их результаты. Например, в отчете за 1917 год содержится доклад миссионера Макарьевского поселка о том, что на его территории проживает 250 креще-

ных казахов, большинство которых получили землю и занялись земледелием. В домах висят иконы с лампадкой, перед едой читают молитвы, посещают храм, принимают причастие. В бытовом плане перенимают стиль жизни русских, говорят на русском языке, пользуются стульями, иногда готовят русские блюда. Успешной русификация является еще и за счет межнациональных браков: казахские и русские юноши и девушки женятся и создают православные семьи. В целом компактное проживание казахов с русскими в поселке, тесное между ними общение и обуславливает достаточно быстрые темпы русификации и аккультурации казахского населения. [2, с. 130].

Однако в документах миссии практически в единичных местах приводятся цифры принявших православие казахов, поэтому даже приблизительно представить себе итоговый результат деятельности по введению «инородцев» в христианство Киргизской миссии, в частности и Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества в целом, не представляется возможным.

В то же время определенные выводы успешной работы по аккультурации инородцев Оренбургской епархии все же сделать можно, если проанализировать деятельность губернских и епархиальных властей по организации церковно-школьного и светского образования «инородцев».

Для решения проблемы создания образовательного пространства для представителей нерусских этносов в России создается еще в 1866 году Особый комитет по инородническому образованию при управлении Казанского учебного округа. Его работу возглавил Н.И. Ильминский, известный педагог и миссионер, который начал с того, что разработал «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев». Согласно этим «Правилам» обучение детей инородцев должно было совершаться совместно с русскими детьми на русском языке, но с пояснениями, если это было необходимо, на языке национальном. Поэтому к учителям, работавшим в таких школах, предъявлялось требование – обязательное знание языка татарского, башкирского, казахского, в зависимости от того, какие дети обучались. Следует отметить в этом отношении деятельность Оренбургской духовной семинарии, которая не только осуществляла труды по подготовке священнослужителей, но и, готовя их к потенциальной миссионерской работе, обучала татарскому и башкирскому языку [8]. Таким образом, выпускники семинарии могли работать и работали в иноверческих школах и церковно-приходских учебных заведениях, где обучались татары и башкиры.

В иноверческих школах епархии активно использовалась и методика Н.И. Ильминского, которая была нацелена на создание у учащихся навыков чтения, письма и устной речи на русском языке, что, безусловно, способствовало их приобщению к русской православной культуре.

Следует отметить еще одну важную особенность работы школ в миссионерских станах. При приеме в них детей не существовало никаких ограничений по религиозному признаку. Епархиальный комитет неоднократно указывал на то, что нет немедленной задачи обращения детей «инородцев» в православие. Сначала необходимо «приучать их к школьной жизни, порядку, примирять вражду к русским, ввиду разноплеменности и разности в вероисповедании» [7, с. 312].

В пяти иноверческих школах только Киргизской Миссии в разные годы с 1898 по 1917 обучалось около 260 детей казахов-мусульман, около 20 детей крещеных казахов, а так же мордва, чуваша, татары [2, с. 131].

Создание и функционирование системы школьного образования силами Киргизской миссии в Уральской и Тургайской областях приходится на тот период, когда меняется видение сущности религиозного и культурного пространства со стороны имперских властей. Все чаще звучит мысль о том, что все религии в России должны быть нацелены на обеспечение этноконфессиональной стабильности в государстве, а это предполагает признание их равенства и свободу выбора веры, что и получило впоследствии отражение в Указе «Об укреплении начал веротерпимости» от 1905 года.

Первым пунктом этого Указа стояло признание того, что «отпадение от Православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем отпавшее по достижении совершеннолетия от Православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало» [6, с. 237].

Возможно, это и стало причиной того, что в дальнейшем планировалось просвещение и обучение нерусских народов без активного участия Русской Православной Церкви.

Основные направления новой образовательной политики России в начале XX века в отношении «инородцев» продолжали быть нацеленными на просвещение нерусских народов как средства их интеграции в социальное и политическое пространство империи. Представители нерусских народов, прошедшие успешно начальное обучение имели возможность продолжить образование в гимназиях и училищах. Казахи, получив соответствующую профессиональную подготовку, могли занимать административные должности по управлению Казахской степью, преподавать в начальных школах и т.д.

В целом можно констатировать тот факт, что организованная усилиями государства и Церкви система образования, например, казахского народа создала «фундамент для развития прослойки людей не просто грамотных, но претендующих на статус интеллигенции» [3, с. 209].

Итак, во второй половине XIX – начале XX веков основанием имперской политики по интеграции нерусских народов в культурное пространство российской империи становится механизм аккультурации, который позволял формировать из инороднического населения кагорту преданных имперским интересам подданных. Одна из ведущих ролей в реализации этой политики была возложена на Русскую Православную Церковь и ее миссионерские возможности.

Литература

1. Гарипов, Н.К. Ислам и Российская власть: функционирование религиозных институтов мусульман // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.: мат-лы одноименного науч. семинара, посвящ. 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири, Казань, 18 дек. 2009 г. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – С. 28–44.

2. Лысенко, Ю.А. Оренбургский епархиальный комитет православного миссионерского общества: попытка организации миссионерства в крае – (1875–1917 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4/2. – С. 126–134.

3. Любичанковский, С.В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX вв). – Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2018. – 264 с.
4. Миллер, А.И. Империя Романовых и национализм : эссе по методологии исторического исследования. – М., 2010. – 316 с.
5. Новая философская энциклопедия. В 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд; науч. ред. совет. В.С. Степин [и др.]. – Москва: Мысль, 2000. – Т. 1: А-Д. – 721 с.
6. Об укреплении начал веротерпимости: указ // Полное собрание законов Российской империи: собр. 3-е. – Т. XXV: 1905. – СПб., 1908. – С. 237–238.
7. Отчет о деятельности Оренбургского Епархиального Комитета Православного миссионерского общества за 1906 год. (Продолжение) // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1907. – № 45–46. – С. 310–316.
8. Петр Панов, иерей. Миссионерское служение Оренбургской духовной семинарии: история и современность // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. – 2019. – № 6. – С. 53–58.
9. Соколов, В.Д. Православный миссионер в киргизских аулах Тургайской области // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1894. – № 10. – С. 231–237.

M.N. Efimenko

Features of the Imperial policy of acculturation of Muslims in the second half of the XIX – early XX centuries on the example of the Orenburg diocese

The article analyzes the main directions of the acculturation policy of the Muslim population of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries, reveals the features of its implementation in the territory of the Orenburg diocese (the Orenburg province). In the article it is defined the role of the Russian Orthodox Church in the process of introducing non-Orthodox peoples into Russian culture, and concludes that the most productive way of acculturation is educational institutions created by both the diocese and the provincial structures.

Keywords: acculturation, Russian Empire, Russian Orthodox Church, Orenburg diocese, missionaries, Muslims, «the non-native», non-religious schools.

References

1. Garipov, N.K. Islam i Rossiiskaia vlast': funktsionirovanie religioznykh institutov musul'man [Islam and Russian power: functioning of religious institutions of Muslims] in Orenburgskoe magometanskoe dukhovnoe sobranie i dukhovnoe razvitie tatarskogo naroda v poslednei chetverti XVIII – nachale XX vv. : mat-ly odnoimennogo nauch. seminar, posviashch. 220-letiiu uchrezhdeniia religioznogo upravleniia musul'man vnutrennei Rossii i Sibiri, Kazan', 18 dek. 2009 g. [Orenburg Mohammedan spiritual Assembly and the spiritual development of the Tatar people in the last quarter of the XVIII-early XX centuries: materials of the scientific seminar of the same name, dedicated to 220th anniversary of the establishment of the religious administration of Muslims of inner Russia and Siberia, Kazan, 18 Dec, 2009]. Kazan, 2011. Pp. 28–44.
2. Lysenko, Yu.A. Orenburgskii eparkhial'nyi komitet pravoslavnogo missionerskogo obshchestva: popytka organizatsii missionerstva v krae (1875–1917 gg.) [Orenburg diocesan Committee of the Orthodox missionary society: an attempt to organize missionaries in the region (1875–1917)] in Izvestiia Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Altai state University], 2009, No. 4/2, pp. 126–134.
3. Lyubichankovsky, S.V. Politika akkul'turatsii sredstvami prosveshcheniia islamskikh poddannykh Rossiiskoi imperii: istoricheskii opyt Orenburgskogo kraia (seredina XIX – nachalo XX vv) [Policy of acculturation by means of education of Islamic subjects of the Russian Empire: historical experience of the Orenburg region (mid-XIX – early XX centuries)]. Orenburg, 2018, 264 p.

4. Miller, A.I. Imperiia Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia [The Romanov Empire and nationalism: essays on the methodology of historical research]. Moscow, 2010, 316 p.

5. Novaia filosofskaia entsiklopediia. V 4 t. [New philosophical encyclopedia. In 4 vols.]. Moscow, 2000. Vol. 1: A–D. 721 p.

6. Ob ukreplenii nachal veroterpimosti: ukaz [On strengthening the principles of religious tolerance: decree] in Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii : sobr. 3-e [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. XXV, 1905. SPb., 1908. Pp. 237–238.

7. Otchet o deiatel'nosti Orenburgskogo Eparkhial'nogo Komiteta Pravoslavnogo missiionerskogo obshchestva za 1906 god. (Prodolzhenie) [Report on the activities of the Orenburg Diocesan Committee of the Orthodox missionary society for 1906. (Continued)] in Orenburgskie eparkhial'nye vedomosti [Orenburg Diocesan Gazette]. 1907, No. 45–46, pp. 310–316.

8. Peter Panov, priest. Missiionerskoe sluzhenie Orenburgskoi dukhovnoi seminarii: istoriia i sovremennost' [Missionary service of the Orenburg theological Seminary: history and modernity] in Sbornik trudov Iakutskoi dukhovnoi seminarii [Collection of works of the Yakut Theological Seminary]. 2019, No. 6, pp. 53–58.

9. Sokolov, V.D. Pravoslavnyi missiioner v kirgizskikh aulakh Turgaiskoi oblasti [Orthodox missionary in the Kyrgyz auls of the Turgay region] in Orenburgskie eparkhial'nye vedomosti [Orenburg Diocesan Gazette]. 1894, No. 10, pp. 231–237.